УДК 228 Скрижали, 29, 2026, с. 65–77

Иерей Н. О. Бусько

Иудейская традиция представления эсхатологических противников Бога и ее отображение в 13 главе Апокалипсиса

Аннотация: Статья посвящена исследованию иудейской традиции представления эсхатологических противников Бога и ее отображения в образах эсхатологических противников Бога в 13-й главе Откровения Иоанна Богослова. Целью работы является анализ процесса формирования образов зверя из моря и зверя из земли через призму рецепции и творческой трансформации ветхозаветных и межзаветных традиций в раннехристианском контексте конца I века н. э. Методология исследования базируется на историко-критическом анализе текста и сравнительном анализе литературных параллелей. В результате исследования выделены три ключевых элемента иудейской апокалиптической традиции, синтезированных автором Апокалипсиса: видение четырёх зверей из Книги Даниила (символизирующих мировые империи), мифопоэтические образы Левиафана и Бегемота (космические силы хаоса) и исторический образ богохульного гонителя (Антиох IV Эпифан). Показано, что в раннехристианском дискурсе эти прототипы были переосмыслены для создания концепции сатанинской пародии на Христа, конкретизированной в контексте римского императорского культа, особенно через фигуру Нерона. Отдельно проанализирована функция образа «зверя из земли» (лжепророка) и вводимой им системы «начертания» как механизма тотального социально-экономического контроля и проверки лояльности. В заключении прослеживается начальный этап рецепции этих образов в формирующейся христианской эсхатологической доктрине, что заложило основы для последующей концепции Антихриста. Делается вывод о том, что 13-я глава Откровения, являясь ответом на конкретный исторический вызов, обладает вневременным богословским потенциалом для критики любых идеологий, претендующих на абсолютную власть и лояльность.

Ключевые слова: Библия, Священное Писание, Новый Завет, иудейская апокалиптическая традиция, Откровение Иоанна Богослова, Апокалипсис, эсхатология, зверь, антихрист, Книга Даниила, римский императорский культ, Нерон, начертание

Иерей Николай Олегович Бусько – магистр богословия, аспирант Минской духовной академии (n.busko1992@gmail.com); ORCID: 0009-0005-9077-9453

Для цитирования: Бусько Н. О., иерей. Иудейская традиция представления эсхатологических противников Бога и ее отображение в 13 главе Апокалипсиса // Скрижали. 2025. Выпуск 28. С. 65–77.

Введение

Тринадцатая глава Откровения Иоанна Богослова, содержащая описание двух зверей – из моря и из земли, – занимает центральное место в христианской эсхатологической традиции, дав начало учению об Антихристе. Расшифровка её сложных образов, выявление их богословского смысла и исторического контекста остаются актуальными задачами современной библеистики. Генезис этих образов не может быть понят вне контекста ветхозаветной пророческой и иудейской апокалиптической мысли эпохи Второго Храма, являющейся их основным источником. Данное исследование ставит своей целью анализ процесса формирования образов 13-й главы Апокалипсиса через призму рецепции и творческой трансформации ветхозаветных и межзаветных традиций в раннехристианском контексте конца I века н. э. В задачи работы входит выявление ключевых иудейских прототипов (звери Даниила, Левиафан, архетип богохульного гонителя), исследование механизмов их синтеза и демонстрация того, как в раннехристианском дискурсе они были переосмыслены для создания концепции сатанинской пародии на Христа, актуализированной в условиях римского императорского культа.

Методологически исследование опирается на историко-критический анализ текста и сравнительный анализ литературных параллелей. Подобный подход находит поддержку в современной научной литературе. Так, Г.К. Бил в

своём фундаментальном комментарии подчёркивает, что ключом к пониманию Откровения является тщательное изучение ветхозаветных аллюзий, а его труд призван служить инструментом для экзегезы «на благо церкви» (Beale 1999, 17). Русский богослов протоиерей Сергий Булгаков предлагает онтологическую перспективу, видя в 13-й главе откровение о фундаментальном конфликте между Церковью и государством, когда последнее, становясь тоталитарным, превращается в «земной лик сатаны» (Булгаков 1991, 101). Настоящая работа, следуя за обозначенными подходами, стремится проследить начальный этап рецепции этих образов в формирующейся христианской эсхатологии, заложивший основы последующей эсхатологической концепции Антихриста.

Иудейская апокалиптическая традиция о противниках Бога

Формирование образа «зверя из моря» (Откр. 13:1–10) представляет собой результат сложного синтеза ключевых иудейских апокалиптических и мифопоэтических традиций. В основе этого синтеза лежат три ключевых элемента иудейской апокалиптической традиции, последовательно переосмысленные автором Откровения.

Первым и основополагающим пластом этой традиции является видение четырёх зверей из седьмой главы Книги Даниила, где они символизируют сменяющие друг друга мировые империи. Автор Откровения осуществляет не просто заимствование, а конденсацию этих образов: описываемый им зверь сочетает в себе черты барса, медведя и льва (Откр. 13:2), что исследователи интерпретируют как намеренное объединение всех предшествующих угроз в одной фигуре (Koester 2014, 569). Такой синтез служит важной богословской цели: Римская империя изображается не как очередное в историческом ряду царство, а как эсхатологическая квинтэссенция мировой тирании, вобравшая в себя сущностные черты вавилонской, мидо-персидской и эллинистической угрозы. Этот метод аллюзивного уплотнения соответствует общей поэтике Апокалипсиса, отличающейся

исключительной плотностью ветхозаветных реминисценций.

Второй значимый компонент иудейской традиции образует мифопоэтическая традиция о Левиафане – морском чудовище, олицетворяющем хаос, побеждаемый Богом (Пс. 73:14; Ис. 27:1). Однако в Откровении эта традиция радикально переосмысляется. Согласно текстологическому анализу, в Откр. 12:18 субъектом действия, становящимся «на песке морском», является не Иоанн, а дракон (сатана) (Иннуарий (Ивлиев) 2015, 201). Таким образом, именно сатанинское начало выступает непосредственным источником и причиной появления зверя из морской бездны. Это преобразует зверя из абстрактного символа хаоса в конкретного агента сатанинской власти в истории, структурированной в виде имперской системы. В диаде со «зверем из земли» (Откр. 13:11) они могут рассматриваться как эсхатологическое возрождение изначальных и сокрушённых при творении сил хаоса – Левиафана и Бегемота, что указывает на вселенский масштаб конфликта.

Третьим важным аспектом традиции выступает исторически конкретный образ богохульного царя-гонителя, сформировавшийся в иудейской традиции на примере Антиоха IV Эпифана (Дан. 7:25; 11:36). Ключевые характеристики этого архетипа – богохульство, война против святых и временное торжество (на символический период в «сорок два месяца») – напрямую транслируются в описание зверя (Откр. 13:5–7). Эта связь не случайна, поскольку апокалиптический жанр как таковой кристаллизовался в ответ на религиозные гонения эпохи Маккавеев. Таким образом, римская власть, через призму этого архетипа, получает характеристику не просто политического угнетателя, но прямого религиозного антагониста, чья деятельность является продолжением и кульминацией богоборчества.

Раннехристианский дискурс понимания противников Бога

Творческая адаптация автором Откровения иудейских прототипов приводит к формированию уникального

раннехристианского нарратива, структурным центром которого становятся христология и актуальная историческая ситуация конца I в. Этот процесс можно рассмотреть в трех ключевых аспектах: богословском, историко-политическом и социально-экономическом.

Христологическая пародия как богословский стержень.

Основополагающей богословской концепцией, определяющей образ зверя, является идея сатанинской пародии на Христа. Пародийная природа зверя раскрывается через детальный структурный параллелизм его интронизации с интронизацией Агнца. Анализ текста демонстрирует зеркальность, но противоположность источников власти (Бог / дракон), характера власти (искупление / порабощение) и объекта поклонения (Ианнуарий (Ивлиев) 2015, 202). Таким образом, зверь предстает как «антиагнец», чья сущность заключается в симуляции истинного искупления. Эта богословская конструкция служит мощным инструментом для разоблачения имперской идеологии, присваивавшей себе божественные атрибуты, вскрывая её как сатанинскую симулякру. Автор сознательно использует знакомые читателям мифологические образы, чтобы включить их в новую, библейскую систему координат и вести полемику с окружающим мировоззрением (Beale 1999, 728).

Историческая проекция: Нерон как архетип и символ.

Несмотря на метаисторический характер образа, автор проводит его конкретизацию через фигуру императора Нерона, что укореняет текст в травматическом опыте первых христиан. Связь кристаллизуется в знаменитом числе 666 (Откр. 13:18), которое в практике гематрии наиболее убедительно расшифровывается как еврейское написание имени «Нерон Кесарь» (Koester 2014, 597; Ианнуарий (Ивлиев) 2015, 209–210). Как утверждает В. А. Андросова, данная гипотеза получает убедительное подтверждение в современной библеистике. В качестве ключевых аргументов исследовательница приводит историческую роль Нерона как инициатора первых систематических гонений на

христиан, а также устойчивый миф о его возвращении или воскресении, что обнаруживает прямую параллель с образом зверя, исцелённого от смертельной раны (Андросова, 2021, 399–400). Эта шифровка служила не просто указанием на прошлого гонителя, но богословским диагнозом: поклонение правящему императору, по сути, есть поклонение духу нероновской тирании, независимо от текущего имени принцепса.

Этот образ функционирует в двух взаимосвязанных плоскостях. С одной стороны, он описывает актуальную угрозу в лице Домициана, чья политика создавала тонкий, но нарастающий кризис лояльности для христиан, особенно в сфере торговли и общественной жизни (Beale 1999, 729). С другой – он проецирует эту историческую модель на эсхатологическую перспективу, используя знакомый миф о возвращающемся Нероне для описания последнего врага (Ианнуарий (Ивлиев) 2015, 203). Таким образом, Апокалипсис становится уникальным новозаветным текстом, глубоко отразившим конкретную историческую ситуацию, но одновременно трансцендирующим её в область вневременного богословского осмысления природы враждебной Богу власти (Булгаков 1991, 245).

Социоэкономический диктат и контроль лояльности.

Третий аспект раннехристианского дискурса раскрывается в образе «зверя из земли» (лжепророка), который вводит систему тотального контроля через «начертание» (Откр. 13:16–17). Этот зверь, имеющий безобидные «агнчие рога», но говорящий как дракон, символизирует не отдельную личность, а весь идеологический и административный аппарат, принуждавший к публичной демонстрации лояльности империи – жречество, местные власти, торговые гильдии (Ианнуарий (Ивлиев) 2015, 205–206). Его деятельность создает плотную сеть ассоциаций, связывающих религиозную идентичность, коммерческую деятельность и социальную принадлежность (Koester 2014, 594).

«Начертание» функционирует как антитеза «печати Бога живого» (Откр. 7:3), визуализируя фундаментальный

раскол между двумя сферами лояльности. Угроза экономического бойкота («ни покупать, ни продавать») была не метафорой, а отражением реальной дилеммы христиан, чье участие в профессиональных коллегиях (гильдиях) неизбежно связано с языческими, в том числе императорскими, ритуалами. Текст Откровения в этом контексте выполняет не только обличительную, но и пастырскую функцию, предлагая духовную «терапию» и ориентиры для сопротивления всепроникающему давлению системы, помогая верным не быть ослепленными окружающей их средой. Этот образ получает глубокое богословское осмысление как символ тотального духовного и экономического порабощения личности со стороны тоталитарной государственности (Булгаков 1991, 101).

Отображение иудейской традиции в раннехристианской концепции Антихриста

Несмотря на то, что термин «антихрист» (ἀντίχριστος) напрямую не употребляется в тексте Откровения, именно тринадцатая глава предоставила наиболее детализированный и семантически насыщенный образ, ставший фундаментальным для последующего формирования христианской эсхатологической доктрины. Процесс кристаллизации этой концепции начался уже в период складывания новозаветного канона через конвергенцию мотивов из разных текстов. Так, образ «человека греха» или «беззаконника» из Второго послания к Фессалоникийцам (2 Фес. 2:3–4), характеризующийся богохульством и претензией на божественное поклонение в храме, в рецепции раннехристианских авторов был экзегетически отождествлён со зверем из Откр. 13. Это отождествление позволило соединить апокалиптический символ имперской власти с пророчеством о личностном эсхатологическом противнике. Как подчеркивает протоиерей Геннадий Фаст, опираясь на святоотеческое наследие, именно «древнейшие толкователи Апокалипсиса святые Иустин мученик, Ириней Лионский, Ипполит Римский, Андрей Кесарийский» (Фаст, 2009, 221) заложили основы

такого понимания, утверждая, что число 666 есть число имени будущего антихриста.

Эта формирующаяся традиция интерпретации заключалась в том, что последующие читатели воспринимали сатиру Иоанна на современную ему власть как буквальное пророчество о будущем, синтезируя образ зверя с другими новозаветными упоминаниями о противнике, чтобы создать составной догматический образ Антихриста. Конкретные черты зверя — богохульная речь, исцелённая смертельная рана («подобие смерти»), число 666 – стали ключевыми атрибутами, наполнявшими абстрактное понятие конкретным содержанием. Примечательно, что святоотеческая экзегеза видела в числе 666 не просто шифр исторической личности, но глубокий символ. Священник Даниил Сысоев объясняет: «Шесть троекратно – значит, что мир существует без субботы, то есть без благословения Бога. Мир создан за шесть дней и как бы не нуждается в Божием благословении седьмого дня, но существует безбожно. Вот в этом – полной автономности мира – основа идеологии антихриста» (Сысоев, 2011, 192). Это толкование выводит образ за рамки чисто исторической аллегории, придавая ему онтологическое измерение.

Важно отметить, что сам путь Апокалипсиса в новозаветный канон был непростым, особенно в восточной церковной традиции, где его статус оспаривался из-за сложной символики и хилиастических мотивов. Однако именно эта сложность и глубина образов 13-й главы обеспечили её каталитическую роль в теологическом творчестве. Образы зверя и лжепророка предоставили отцам Церкви богатейший материал для разработки целостной концепции эсхатологического противника, понимаемого не просто как политический тиран, но как персонифицированная концентрация сатанинского противления, сознательно пародирующая служение Христа. Протоиерей Иоанн Павловцев, развивая эту мысль, указывает: «Три раза повторенное – в единицах, десятках и сотнях – это число означает высшую степень отрицания Бога: вселенную без Бога» (Павловцев, 2017, 201). Он также обращает внимание на то, что «антихрист будет

похож на Христа по внешним признакам, тогда как по внутренней сущности он будет подобен древнему змию» (Павловцев, 2017, 202), что полностью соответствует идее сатанинской пародии.

Таким образом, 13-я глава послужила семантическим узлом, в котором сплелись иудейские апокалиптические прототипы, христологическая полемика и исторический опыт гонений. Этот синтез, осмысленный через призму святоотеческой традиции, подчеркивает вневременной характер конфликта. Как отмечает протоиерей Геннадий Фаст, ссылаясь на предостережение святителя Иринея Лионского, чрезмерное увлечение расшифровкой имени антихриста чревато духовной опасностью: «Немалая опасность угрожает тем, которые ложно присваивают себе знание этого имени антихриста, ибо, если они полагают такое-то имя, а он придет с другим, они легко будут обмануты» (Фаст, 2009, 221). Эта мудрость предостерегает от буквализма и указывает на то, что число дано не для предсказания, а для конечного удостоверения, сохраняя тайну и сосредотачивая внимание на духовной сути противостояния. Стоит согласиться с позицией протоиерея Сергия Булгакова, который подчеркивает, что Откровение дает не просто историческую аллегорию, а раскрывает вневременной онтологический конфликт – «образ истории как трагедии» непрекращающейся борьбы Христова Царства с силами отпадения и самообожения. Именно поэтому детализированный образ зверя, рожденный в конкретных обстоятельствах конца I в., обладал такой мощной рецептивной силой, обеспечившей его переход из сферы политической критики в сферу догматического учения о последних судьбах мира. Этот переход, обогащенный глубиной православной экзегезы, знаменует завершение формирования библейского прототипа, ставшего основой для многовековой эсхатологической рефлексии в христианстве.

Заключение

Проведённый анализ позволяет утверждать, что образы 13-й главы Откровения Иоанна Богослова сформировались

в результате глубокой рецепции и творческого переосмысления иудейской апокалиптической традиции. Ключевые элементы синтезированы: традиции из Книги Даниила (звери как империи), мифопоэтические образы Левиафана и Бегемота (космические силы хаоса) и исторический образ Антиоха Эпифана (богохульный гонитель). В раннехристианском дискурсе эти элементы были переосмыслены через призму христологии, что привело к созданию мощной концепции сатанинской пародии, конкретизированной в контексте культа римского императора, особенно в связи с фигурой Нерона и травматическим опытом первых гонений. Социально-экономический аспект «начертания», осуществляемого пропагандистской машиной второго зверя, расширил эсхатологический конфликт до уровня цивилизационного выбора.

Вопреки расхожим стереотипам, Апокалипсис является не книгой страха, а «книгой надежды», раскрывающей, что истинная власть принадлежит Агнцу, а не зверю. Данная глава не только отразила историческую ситуацию конца I в., но и заложила фундамент для последующего многовекового развития христианской эсхатологической мысли, предоставив основные контуры для формирования доктрины об Антихристе. Первоначальная сила текста заключается в его способности деконструировать претензии любой тотализирующей политической системы на абсолютную лояльность, вскрывая их идолопоклонническую и, в конечном счёте, сатанинскую природу. Подлинное понимание этой книги рождается в лоне церковной традиции, где она раскрывается как догмат о противостоянии Христова Царства и тоталитарных притязаний «князя мира сего» в истории. Таким образом, 13-я глава Откровения остается острым и глубоким инструментом для критики идеологий, претендующих на абсолют, и источником надежды для тех, чьё гражданство – на небесах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Библия 2014 — Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в современном русском переводе. М.: Российское библейское общество, 2014.

Литература

1. Андросова 2021 — *Андросова В. А.* Апокалипсис — книга надежды: курс 12 уроков. М.: ДАРЪ, 2021.
2. Вязовский, Павлович, Удальев 2019 — *Вязовский Я., Павлович А., Удальев С.* Тайна народа Божьего: интеллектуальный комментарий на книгу Откровение. Мн.: Полиграфкомбинат им. Я. Коласа, 2019.
3. Ианнуарий (Ивлиев) 2019 — *Ианнуарий (Ивлиев), архим.* «И увидел я новое небо и новую землю…»: Апокалипсис. Богословско-экзегетический комментарий. М.: ББИ, 2019.
4. Павловцев 2017 — *Павловцев Иоанн, протоиерей*. Толкование Апокалипсиса. М.: ДАРЪ, 2017.
5. Сысоев 2011 — *Сысоев Даниил, священник*. Толкование на Апокалипсис. М.: Благотворительный фонд «Миссионерский центр имени иерея Даниила Сысоева», 2011.
6. Beale 1999 — Beale G. K. 1999. The Book of Revelation: A Commentary on the Greek Text. The New International Greek Testament Commentary. Grand Rapids, Michigan / Cambridge, U.K.: William B. Eerdmans Publishing Company.

Priest Nikolay Olegovich Busko

The Jewish Tradition of Representing the Eschatological Opponents of God and Its Reflection in the 13th Chapter of the Apocalypse

Abstract: The article is devoted to the study of the Jewish tradition of representing the eschatological opponents of God and its reflection in the images of the eschatological opponents of God in the 13th chapter of the

Revelation of John the Theologian. The aim of the work is to analyze the process of forming the images of the beast from the sea and the beast from the earth through the prism of the reception and creative transformation of Old Testament and intertestamental traditions in the early Christian context of the late 1st century AD. The research methodology is based on historical-critical analysis of the text and comparative analysis of literary parallels. As a result of the study, three key elements of the Jewish apocalyptic tradition synthesized by the author of the Apocalypse are identified: the vision of the four beasts from the Book of Daniel (symbolizing world empires), the mythopoetic images of Leviathan and Behemoth (cosmic forces of chaos), and the historical image of the blasphemous persecutor (Antiochus IV Epiphanes). It is shown that in early Christian discourse, these prototypes were reinterpreted to create the concept of a satanic parody of Christ, specified in the context of the Roman imperial cult, especially through the figure of Nero and the associated myth of Nero redivivus. The function of the image of the "beast from the earth" (false prophet) and the system of "marking" introduced by it as a mechanism of total socio-economic control and loyalty testing is separately analyzed. In conclusion, the initial stage of the reception of these images in the emerging Christian eschatological doctrine is traced, which laid the foundations for the subsequent concept of the Antichrist. It is concluded that the 13th chapter of Revelation, being a response to a specific historical challenge, possesses a timeless theological potential for criticizing any ideologies claiming absolute power and loyalty.

Keywords: Bible, Holy Scripture, New Testament, Jewish apocalyptic tradition, Revelation of John the Theologian, Apocalypse, eschatology, beast, antichrist, Book of Daniel, Roman imperial cult, Nero, mark

Priest Nikolay Olegovich Busko – Master of Theology, postgraduate student of the Minsk Theological Academy (n.busko1992@gmail.com); ORCID: 0009-0005-9077-9453.

SOURCES AND REFERENCES

Sources

1. *Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vethogo i Novogo Zaveta v sovremennom russkom perevode [Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments in the Modern Russian Translation]*. Moscow: Rossiyskoe bibleyskoe obshchestvo, 2014. (In Russian).

References

2. Androsova, V. A. 2021. *Apokalipsis – kniga nadezhdy: kurs 12 urokov [Apocalypse – a Book of Hope: A Course of 12 Lessons]*. Moscow: DAR'. (In Russian).
3. Beale, G. K. 1999. *The Book of Revelation: A Commentary on the Greek Text. The New International Greek Testament Commentary*. Grand Rapids, Michigan / Cambridge, U.K.: William B. Eerdmans Publishing Company. (In English).
4. Iannuarii (Ivliev), arkhim. 2019. *«I uvidel ya novoe nebo i novuyu zemlyu…»: Apokalipsis. Bogoslovsko-ekzegeticheskiy kommentariy ["And I Saw a New Heaven and a New Earth…": Apocalypse. Theological and Exegetical Commentary]*. Moscow: BBI. (In Russian).
5. Koester, C. R. 2014. *Revelation: A New Translation with Introduction and Commentary.* The Anchor Yale Bible. New Haven: Yale University Press. (In English).
6. Pavlovtsev, Ioann, prot. 2017. *Tolkovanie Apokalipsisa [Interpretation of the Apocalypse]*. Moscow: DAR'. (In Russian).
7. Sysoev, Danil, svyashch. 2011. *Tolkovanie na Apokalipsis [Interpretation of the Apocalypse]*. Moscow: Blagotvoritel'nyy fond «Missionerskiy tsentr imeni iereya Daniila Sysoeva». (In Russian).
8. Vyazovskiy, Ya. A. Pavlovich and S. Udal'ev. 2019. *Tayna naroda Bozhiya: intellektual'nyy kommentariy na knigu Otkrovenie [The Mystery of God's People: An Intellectual Commentary on the Book of Revelation]*. Minsk: Poligrafkombinat im. Ya. Kolasa. (In Russian).